

МЕРТВЕЦ

РАССКАЗ
СВЕТЛАНА БОРЫС

12+

Светлана Борыс

Мертвец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67814768

SelfPub; 2022

Аннотация

Говорите о нем только хорошо или молчите. Молчите живые и лежите смирно мертвые! Не беспокойте того, кого беспокоить не следует. Ведь когда в сердце тьмы вспыхнет синяя звезда, когда солнце скроется в тени луны, тогда мертвец выйдет из могилы и произнесет слово, и слово это станет последним, и слово это будет молчанием.

Светлана Борыс

Мертвец

«И жизнь и смерть для вас всего лишь рифма».

Мертвец

Десять

Тук-тук.

«Кто там?»

Тук-тук-тук.

«...и тишина...»

Тук-тук-тук.

«Кто там, черт подери? Не соблаговолите ли ответить человеку?»

Тук-тук-тук.

«Не терпится? Так меня уговаривать не надо. Ммм? Почему затих, передумать изволил? Хорошо...».

Бам, бам, бам, бам, бам...

«Какая наглость! Так грохотать, чтоб стены сотрясались... Войдите или оставьте человека в покое! Лучше всё же оставьте, исключительный случай отдохнуть представился. Тридцать семь лет без отпуска. Только вот не вспомнить сразу, с чего в этот раз счастье так скоро настигло. О! Уходит будто».

Шух, шух, шух, шух...

«Благодарю, милостивый, хотя, судя по шагам вас там, на удивление много, так что милостивые государи. Ступайте, а я стану наслаждаться покоем... пока есть время».

Девять

Хрум-хрум, хрუსь-хрუსь, шур-шур.

«Кто здесь? А ну кыш! Спать, спать, уаааау спать».

Восемь

Топ-топ, топ-топ. Ох, и тяжело же ступать по некошенной траве да по мягкой земле на высоких каблуках, но чего не сделаешь ради любимого.

– Дорогой, дорогой, вот и я, заждался, небось? И вот я здесь! Пришла отметить с тобой годовщину.

«А без меня не пробовала?»

– Ты можешь сказать, что отмечать здесь нечего, но, смиришь, так принято у людей. Я и тортик принесла. Со свечой...

«Неси обратно».

– ...и твой любимый абсент.

«...».

– Ну-ну, не шуми. Конечно же, я не забыла твои предпочтения, но теперь не ты музыку заказываешь. Так ведь?

«Два – ноль в твою пользу».

– Фисташковый торт и абсент со всей моей любовью и мыслями о тебе – идеальный презент к годовщине.

«Я всегда считал, что игра в ассоциацию не твой конек».

– Помню, мать моя как тебя увидела, сразу сказала: «Сгубит тебя, доча, любовь к зелени». Ха-ха! Не сгубила. Меня

во всяком случае. Верно, дорогой?

Шурх-шурх-шурх, шуршанье шагов по засохшей листве ощущалось точно как шорох купюр.

– А у тебя тут неплохо, как я погляжу, солнечно и воздух свежий. С каждым годом всё лучше становится, а говорили. «Захолустье, захолустье, куда ты его?» и что, разве тебе здесь плохо?

«Три – ноль».

– Ну что, свиделись, а теперь мне пора... – «Не понял, а как же абсент?» – ...меня ждут... ой, кажется, я что-то забыла...

«Отдать подарок, наверное?»

Клац, клац.

– Свечечка хорошо горит, ярко. Красота. Жаль ты не видишь. А вот и вишенка на торте. Лови, дорогой.

Бульк, бульк, бульк. Кап, кап, кап – абсент жгучим ливнем окропил землю. Редкие капли просочились сквозь толщу почвы и лишь одна проникла сквозь крошечную трещину в деревянной крышке, напоив спертый воздух ароматом полыни.

«Где, где?»

Глаза цвета абсента резко открылись, вглядываясь в темноту, губы растянулись, язык просунулся между белоснежными зубами в тщетной попытке поймать желанную жидкость. Но, увы...

«Куда льешь? Ноги там, дура!»

– Ой! Кажется, промахнулась. А! Какая теперь разница.

Цок, цок, цок, цок...

– Пока-пока, дорогой.

«Пусть настигнут тебя мои сладчайшие пожелания, дорогая».

Семь

– Сосед! Сосед, поговори со мной.

«Хр ...»

– Он чё, реально храпит?

– Точно, храпит.

– Наверно неудобно уложили.

– Да нас как не положи...

– Да канешна, мне вот туфли до сих пор жмуть.

– В голове у тебя жмет.

– Не ссорьтесь ребята.

– А ты кто? – хором.

– Приехали! Каждая сходка под моей осинкой проходит.

– А! Подосиновик!

– Он самый. А вы, чьих будете?

– Сорные мы. Все трое.

– Бывает. Госпожа тоже Сорная.

– Не, там хтось косточку плюнул, так шо Арбузная она теперя.

– Повезло, кто бы на меня плюнул. О! Затих кажись.

Кличь, давай.

– Эй, сосед! Соседушка, поболтай с нами.

«Исчезни...»

– Ребзья, давайте госпожу дождемся и тогда познакомимся. Я Вишенка если что.

– Та самая с тортика, никак? Ха-ха.

– Не, думаю с птичек. А вишенка на торте это выражение такое, значит приятное или неприятное дополнение или завершение чего-либо.

– Ты у нас энциклопедист что ли?

– Точно, так вы меня и называете обычно, но теперь я Вишенка.

– О! Самоповысился. Рост-то у тебя, какой, Вишенка? Мой бурьян, небось, повыше будет. Ха-ха-ха.

– Нехорошее дело младших обижать.

– Цыц, малец, здесь наше всё, сорное. А ты...

– Сам цыц, когда поддеревные говорят, или изгоню, и в следующую сходку под открытым небом сидеть будете на бурьяне своем, а ты, малец, чем спорить бестолку порассказал бы лучше, что нового в большом свете, пока госпожу ожидаем.

«Бла...бла...бла... и так каждое полнолуние...»

– Тока громче говори, чтобы все слышали.

– В общем, начинаю. Жила-была в большом мире глобализация...

«Да не ори ты так, сон спугнешь».

Шесть

Шурх, шурх, шурх, шурх... Медленно, медленно шли по

высокой траве люди, глядя в покосившиеся кресты и с трудом переставляя уставшие от долгого пути ноги.

«Никакого покоя! Вот только, казалось, Вишенка умолк».

– Фух, наконец-то добрались. Сынок, взгляни, наш вроде?

«Не ваш, сорный я. Ступайте себе... полем».

– Угу.

– Да посмотри ты!

– Фамилия будто наша, а имя совсем стерлось.

– А! Всё равно идти дальше, сил нет. Здравствуй, брат, прости, что долго не приходили...

«Прощаю за "долго" и ещё на сто лет вперед».

– Оторвись от телефона! Поздоровайся с дядей.

– Подожди, чуть-чуть осталось.

– Ах ты! – Шлеп. – Прояви уважение, мы всем ему обязаны.

Клац, шух.

– Здравствуй, дядя, хочу сказать тебе спасибо за испорченные выходные...

– Всё, молчи.

– Почему? Дядя всегда ценил мою прямолинейность.

«Устами младенца..., как говорится».

– Тебе тогда три годика было, а теперь... иди, поиграй лучше. Вон под осинкой скамеечка есть.

– Нет! Скажу, раз я здесь. Дорогой дядя, отец передает тебе пламенный привет прямо из погребка, даже подняться не потрудился, дед салютует бутылкой Шато... что-то там, а

мамания днями напролет тебя ругает...

– Молчи! Всё, ступай под осинку.

«Ступай, ступай, племянничек, да под ноги смотри – не оступись».

– Ох, братан, так и быть расскажу всё, как есть. Как, значит, преставилась стерва твоя. Это ж надо мужа горемычного в такую глушь поселить... – «Вот и всё, дорогая, игра окончена. Победа за мной». – ... так папаня к нам и переехал. Они с моим благоверным теперь дегустаторами себя именуют – житья нет. То сыр им подавай с плесенью, то фрукты. С ног сбилась, а...

– Ма! Как-то тут не очень... шепчется будто кто-то...

– Ветер гуляет в ветвях, а ты испугался.

– Нет, не ветер. Так ветер точно гулять не умеет. Ты оглянись вокруг, тут бугорок какой-то подозрительный, и там... смотри, смотри жуть какая!

«А вы думали я в пустыне лежу? Да здесь соседей немерено! В полнолуние уши от болтовни закладывает».

– Что? О чем ты?

– А на чем это ты стоишь?

– Ой! – прыг, топ. – Страшно-то как! Пойдем-ка скорее отсюда, прощай, братик, прощай.

«Стоп. Вы что, с пустыми руками пришли?»

Шурх-шурх, Топ-топ.

– Бай-бай.

«Бай... уаааау. Такой сон вникуда спустили...»

Пять

– Не ну чё он вечно спать там будет?

«Нет, вечно не получится. Что-то с недавних пор стало под ложечкой подсасывать. Чую, снова выспаться не дадут».

– Эй, сосед! У нас терпение так себе, истощилось уже.

– Неуважуха выходит.

– Ребьзя, а давайте в гости нагрянем – не отвертится.

– А ты кто?

– Вишенка я, который энциклопедист.

– Разумные вещи предлагаешь, энциклопедист.

– О! Подосинович! Давненько тебя не было.

– Чур, я пойду!

– Мал ещё. Мой сосед, я и пойду.

– Доброй луны, господа.

– Волшебной ночи. – Хором.

– Волшебной ночи всем нам. Но что это? Меня немало озадачило беспокойство, явственно звучащее в ваших громких голосах, что же могло случиться в такую чудесную ночь. Расскажите же мне, какие хлопоты тяготят вас, друзья мои?

– Что вы, госпожа Арбузная, какие хлопоты, особенно теперь, когда вы снова с нами.

«Льстец вишневый».

– Арбузная? Ох, что вы! Я за размышлениями о бренности всего земного и не заметила, как жизнь пробилась и нашла выход в этих чудесных сладких ягодах, расположенных прямо над моей головой. Как же прекрасно устроена приро-

да, вы не находите, господа?

«Прекрасно? Опираясь на свои знания и опыт, могу сказать, что устроена она скорее замысловато-извращенно».

– Мой сосед общаться не желает.

– Буржуин, абсент попивает и не делится.

«...?»

– Не стоит беспокоить госпожу Арбузную такими мелочами.

– Ах, мой старый друг, смотрю я как прекрасно посеребрил лунный свет лепестки на твоей осинке и душа радуется.

– И моя радуется вслед вашей.

– Но право, не нужно опекать меня так истово.

Тссссс – с тихим морозным треском что-то просачивалось сквозь толщу земли. Лежащее на дне глубокой ямы тело внешне похолодело.

Тук-тук-тук.

«Никого нет дома».

Тук-тук-тук.

«Какие назойливые. Воистину неистребимо любопытство в существах человеческих».

– Раз, два, три. Кто не спрятался, я не виноват.

Перед широко раскрытыми зелеными глазами внезапно вспыхнул яркий синий огонек будто кто-то в духоте могилы зажег спичку. Привыкшие к темноте глаза мгновенно отреагировали резко сузившимися зрачками.

– Вау, да у нас тут нетленка! Все сюда, скорее!

Тссссс. Вопреки устоявшейся в большом мире уверенности в том, что мертвецы не потеют, труп покрылся испариной, а как только тихое шипение переросло в колкое потрескивание, на холодной коже проступила едва заметная изморозь.

– Вау! Вот это эффект! Скорей, скорей!

– Та шо ты кипишуешь? Тута мы.

– Да здесь как в печке!

– Точно.

– Не толпитесь, пропустите госпожу.

В толпе ярко-синих огней включился один нежно-розовый и медленно подплыл к лицу мертвеца. Теплый свет смягчил строгие черты, наделив их иллюзией живости, при этом незамутненные тленом глаза цвета абсента казалось, смотрели прямо вглубь розового огня.

«О! Дева юная, спустишь в мою могилу,

Окутай паутиной страстных снов.

Влюбись в меня...»

– Он что, правда, жив?

– Да ладно, мне уже лет десять, а он здесь ещё раньше.

– Ты прав, человек без воздуха не проживёт так долго.

– Кто же он? А, главное, почему не отзывается?

– Думаю, он немного не такой, как мы.

«И снова, устами младенца...»

– Ты погляди! Энциклопедист думает, тут и без твоей ду- малки всё ясно.

– Что тебе понятно?

– Да, что?

– Линять отсель надобно. Вот шо.

– С чего бы, лежит человек, не трогает никого, может он даже не слышит нас. Не зря же я за столько лет так и не до- звался, ясное дело не слышит.

– На другой волне он.

– Да.

Одобрительно взыв, сразу несколько синих огней согласо- но запрыгали, затем один приблизился к надолго зависшему перед лицом мертвеца розовому огню.

– Госпожа, вы самая опытная среди нас. Что скажете?

– Скажу? – розовый огонь казалось, встрепенулся, вы- рванный из глубокой задумчивости. – Скажу, что всё в этом человеке кажется мне странно знакомым. А вы, господа, ко- му-нибудь из вас не доводилось встречаться с ним при жизни? Будьте так любезны, присмотритесь внимательнее.

«Ха-ха-ха. Вам бы меня не узнать! Меня все знают.... Все».

Розовый огонь предупредительно отлетел дальше, дав больше свободного места остальным. Из-за смены освеще- ния лицо мертвеца снова изменилось. В холодном свете чер- ты заострились и стали жестче, злее.

– Что-то не по себе мне от него, давайте убираться отсюда.

– Нечего было и соваться, что ждать от того, на ком даже сорняк не пророс.

– Что ты сказал?

– Земля там черная, ты не заметил?

– Господа, бежим! Скорее! Бежим отсюда.

Синие огни заметались в беспорядке и особенно быстро после того, как заметили исчезновение розового огня и тоже исчезли. В крошечной тьме зеленые глаза блеснули смехом.

«Так вот. Лежите смирно теперь, без желаний и разговоров, как и положено вам. Лежите и не беспокойте того, кого будить не следует».

Четыре

Кап, кап, кап, кап.... Хрясть! Бум! Хлоп! Шшшшшшш, плюх. Ливень, равного по силе которому не помнят даже старожилы, размыл черную землю, разлились берега мелкой речушки, с оглушительным треском вывернулись кудрявые корни и подняли на свет божий то, что таилось глубоко в недрах земли, и должно было пребывать там нетронутым в веки вечные. Мягко покачиваясь на темных клокочущих водах, отправились страшные суда в плавание. Не для каждого из них плавание получилось долгим. Многие, зачерпнув холодной воды, заклевали носом и отправились напрямиком на дно. Однако и ливень когда-нибудь прекращается, утихла река, и пробившееся сквозь истончившиеся тучи солнышко заглянуло в темные обиталища людей прошлых времен. Возрадовались призраки и, притянутые великой силой природы

покинули свои промокшие домовины и растворились в ярком свете.

«Кто-нибудь, задерните шторы!»

В тот же миг, будто подчинившись грозному приказу, на воду опустился туман и не рассеялся он аж до следующего дня, когда бурная река растворилась в темной глубине спокойного утреннего моря.

– Мама, мамочка, смотри, кораблик!

– Не показывай пальцем!

– Ну, посмотри!

– Где? Ох, ты ж, боже мой! Пойдем отсюда, скорее.

– Но кораблик...

– Это плохой кораблик... – «Почему же, сам по себе кораблик не так уж плох, жить можно». – ... очень плохой, в нём лежит страшный, черный дядька. Он как выскочит и как заорет: "Отдай моё сердце!"

– Аааа, мамочка, спаси!

– Не пугай сестру.

– Почему это? Папа говорит, что бояться живых надо.

– Здесь не папа, а я говорю, что делать.

– Вызвать полицию?

– Чтобы окончательно испортить отпуск? Нет уж. Пусть кто-нибудь другой вызывает. А вы обещали слушаться.

– Командуй, капитан.

– Да, мамочка, командуй.

– Возьми сестру за руку и за мной. Отдых окончен.

«Наивные. Ваш отдых ещё даже не начался».

Три

Долго дрейфовало судно в открытом море, повинуюсь капризным волнам, порой подходило оно к скалистым берегам, но тут же, подхватываемое течением вновь уносилось вдаль. Солёные воды сорвали остатки обветшалой обивки, весеннее солнце просушило сосновую крышку, пронирыливые устрицы облепили дно. Убаюканный мягким покачиванием мертвец крепко спал. Спал, аж пока поднявшийся шторм не выкинул его корабль на берег. Достоинно пронесший своего жильца через многие трудности гроб, наконец, не выдержал и развалился на части, мертвец остался без укрытия под палящим солнцем. Зеленые глаза раскрылись, удивленно воззрившись в далекие небеса:

«Неужели пришло моё время?»

Глубокое синее небо хранило молчание.

«Так даже лучше. А теперь, укройте меня».

Просьба не была произнесена вслух, но песку этого и не требовалось. Вздыбилась песчаная дюна, отсекая мертвеца от линии прибоя, перекатали пески бездыханное тело в далекую тень, под сочную зеленую крону и накрыли с головой тяжелым сыпучим одеялом.

Два

Шурх, шурх, шурх шуршал песок под многими ногами, убаюкивая мертвеца. Сколько длился его покой, мог бы сказать лишь сам мертвец, если бы его интересовало хоть что-

то помимо сна.

– Любимая, мне кажется, или там что-то поблескивает под самым стволом?

– Рада помочь любимому, который что-то слаб стал... глазами.

– Да, любимая, о моей старости поговорим позднее, а сейчас посмотри поскорее, пока ещё кто-нибудь не заметил.

Шух, шух, шух.

– Вау, да здесь камушек в песке. Явно драгоценный.

«Бесценен он, бесценен, но вам, человекам, этого не понять».

– Тише ты.

– Прости, не подумала.

– Неси, посмотрю.

– Не могу, зацепился за что-то.

– Хорошо, прикопай пока, а как разойдутся, вернемся и посмотрим.

«Вот только попробуйте меня выкопать...»

– Здесь, да?

– Присвети-ка. Да, видишь, это я стрелочку нарисовала.

– О, господи!

«...»

– Ладно, любимая, держи лопатку, а я посвечу, пока ты копаешь.

– Но у меня ногти!

– А у меня артрит.

– Ой! Ладно.

Шух, шух. Коп, коп. Бам!

«Куда тычешь, дура, чуть без пальцев не оставила».

– Любимый, здесь что-то странное... – шух, шух, шух. –

Ааааа!

Бум, шлеп, шурх, шурх, шурх.

– Тихо ты! Совсем сдурела!

– Там. Там. Там...

– Да что там?

– Ме... ме... ме... ме...

– Меме? Ладно, сам посмотри. Посвети!

– Ме... ме...

– Ладно, обойдусь. Ничего нормально сделать не можешь, ну ничего!

– За... за... зато красивая!

Шух, шух.

– Ну и чего испугалась? Мертвецов никогда не видела?

Будто мы не в похоронном бизнесе...

– Ой! Не говори, любимый! Сама не знаю, чего это сердце так сдавило, аж как в первый раз...

– Ха-ха-ха. Трусишка.

К тонкой прохладной кисти мертвеца прикоснулись скрюченные старческие пальцы.

– Хм, странно, он точно мертв? Странно, теплый будто и рука мягкая...

– Что удивительного, в такую жару.

– Пришла в себя?

– Да такой камень и мертвеца в сознание вернет. Посмотри, это же черный сапфир! Ты звезду видел, даже ночью сверкает как настоящая.

«Сверкает? А вот это по-настоящему плохо. Когда он в последний раз так сверкал... Дьявол, как же не хочется...»

– Да, хорош перстень!

«Бежать бы вам...».

– Ну же, любимый, скорее тяни, и побежали отсюда.

– Не получается.

– Что?

– Не снимается, говорю.

– Давай я, мне не привыкать.

Ловкая женская рука с неожиданной силой обхватила ладонь мертвеца и сжала мягкую подушечку указательного пальца, острые ногти впились в кожу в то время, когда пальцы мертвой хваткой вцепились в перстень и сильно потянули. Перстень не сдвинулся ни на дюйм.

– Будторосло. Ты нож взял?

«Что, простите?»

– Не думал, что понадобится.

– Что делать будем?

– Здесь всё равно оставлять нельзя. Свеженький. Ещё искать начнут. В машину его ... – «Спасибо за комплимент, но перемещать всё же, не стоит». – ... а там, в крематорий и поминай, как звали.

– Любимый, ты как всегда... ну прямо самый умный.

– Откапывай, любимая.

– Ну почему вся черная работа на мне?

– Комай, комай здесь песочек. Даже вспотеть не успеешь,

а я на шухере постою.

Шух-шлеп, шух-шлеп.

– И не видит ни черта и не слышит, а командует всё. Ой, а мертвец-то прехорошенький!

«Спасибо, женщина, ты тоже недурна собой. Мой типаж».

– Ай!

– Ну что там?

– Мне кажется, он смотрит на меня!

– Чушь. У него глаза песком засыпаны.

– Нет.

– Засыпаны, я видел.

– Да нет же! Посмотри ещё.

«Не спорьте, вы оба правы. Просто я проморгался».

– И, правда... смотрит. Странно это.

– Любимый, давай уйдем. Ну его, перстень этот.

– Ладно, уходим. Будут ещё камни и перстни...

«Ступайте. С этого пляжа, из этого города, а лучше с этой планеты. Потому как горит мой камень так, что кожу жжет. А это во все века одно означало...»

Один

Спокойные синие волны накатывали на берег, унося мириады песчинок в темные морские глубины, у самого гори-

зонта резвилась стая дельфинов, истошные крики вечно голодных чаек привлекали внимание немногочисленных отдыхающих. Жаркий день обещал теплый вечер, и прибрежные рестораны уже начали готовиться к наплыву посетителей. Очень скоро утомленный жарой сонный городок проснется, чтобы окунуться в романтику летней ночи.

– Песочек, море. Здоровый климат.

– Картина маслом.

– На этот раз неплохо устроился. Помню, последний раз из крематория вытаскивали.

– Ха-ха-ха. Из горного ущелья, смоляного озера, лавы, со дна океана...

«Нигде от вас покоя нет».

– Ни черта не делает, развлекается только.

– Угу. Мне бы так. Написал одну программу на все особи оптом и развлекайся сколько душе угодно.

– Будто у тебя не так. Даже поговорку придумали: Война войной, а обед по расписанию.

– Завидуешь? Но, кажется мне, ты тоже особо не перетрудился. Говорят же: Кому война, а кому мать родная.

– Пожалейте мои уши! А ты, Смерть, вставай уже. Быстро дело сделаем и разбежимся.

«Один умный человек как-то сказал: «Всё суета», а вы с каждой встречей всё больше походите на беспокойные человеческие создания».

– С кем поведешься...

– Вставай, вставай, брат, отработаешь, и мы снова тебя прикопаем. Прямо здесь если будет угодно.

– Поднимайся. Ты нужен нам.

«Кто на этот раз?»

– На этот раз венец творения.

«Нет уж! Без меня. С этими вы и сами прекрасно справитесь».

– Игры окончены, брат. Болезни, войны, голод – всё в прошлом. Настало твоё время.

Глаза цвета абсента резко распахнулись, и песок расступился, выпуская из крепких объятий мертвеца.

– Тотальное уничтожение? – спросил он, поднимаясь на ноги и отряхиваясь от налипших песчинок.

– Да. Эксперимент провален, брат.

Утопая по щиколотку в песке под тяжестью собственного веса, перед ним стояли трое. Их руки были скрещены на груди, а длинные в пол бархатные плащи траурными знаменами свободно развевались по ветру. Мертвец обратил глаза к солнцу:

– Так это всё?

Будто не желая отвечать на его вопрос, солнце скрылось в тени луны, и на черном небосклоне прочертил широкую дугу ослепительный метеорит. Тогда мертвец перевел взгляд на того, кто называл его братом:

– Жаль. Они были забавны. Они вдохновляли меня.

– Хомо сапиенс достигли высшей точки своего развития.

Их дальнейшее содержание не только бесперспективно, но и губительно для экосистемы.

– Всё равно жаль.

– Решение окончательное и обжалованию не подлежит. Брат, ты ведь ещё помнишь, что мы призваны сохранить баланс этого мира.

Задумчиво поглядев на синюю звезду, неистово сияющую в глубине тьмы, мертвец снял перстень. В тот же миг всё, что роднило его с людьми, исчезло. Осталась лишь мгла, наполняющая маслянистый прозрачный сосуд, отлитый в форме человека.

– Нет нужды в напоминании. Свой долг я знаю.

Трое уставились на него. Один смотрел с нетерпением, в глазах второго отражалась зависть, третий оставался равнодушен. Мертвец опустил голову и, выдержав минутную паузу, нехотя щелкнул пальцами, а когда далекий отзвук щелчка смолк, он медленно поднял взгляд на небо, на стремительно растущий золотой серп. Затмение закончилось. Равнодушная звезда осветила опустевший мир.

– Как всегда, брат великолепен. Что ж, приступим. Новый материал уже готов.

Мертвец задумчиво погладил ставший абсолютно чёрным камень и надел перстень:

– Свято место... как говорили люди.

Ноль